

**«СВАДЬБА В ПЕСНЯХ И ОБРЯДАХ (В КОСТРОМСКОМ УЕЗДЕ)»
(ОБ ОДНОЙ РУКОПИСИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Крашенинникова Юлия Андреевна, кандидат филологических наук, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Республика Коми, Россия, krasheninnikova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2045-4486>

Аннотация. Настоящая статья посвящена презентации рукописи, хранящейся в фондах Государственного архива Костромской области. Актуальность работы объясняется, во-первых, важностью введения в научный оборот и критического анализа неопубликованных архивных материалов; во-вторых, необходимостью оценки кропотливого труда собирателей фольклорно-этнографических материалов в XIX – начале XX в.: фольклористов, этнографов, корреспондентов региональных научных обществ, представителей сельской интеллигенции (учителей, священников) и др. В центре внимания автора – рукопись «Свадьба в песнях и обрядах (в Костромском уезде)», составленная из материалов Костромского научного общества по изучению местного края и Костромской ученой архивной комиссии. Анализируются физические, графические, содержательные особенности рукописи. Характеризуется фольклорный материал, преимущественно говорной репертуар: приговоры свадебных чинов и персонажей ритуала (друзек, брата невесты, девушек – подруг невесты, местных жителей), – удельный вес которого превышает количество текстов других жанров (причитаний и песен). Последнее обстоятельство выделяет рукопись из большого числа рукописных материалов, хранящихся в разных архивах России. Проанализированы художественно-стилистические особенности отдельных фольклорных текстов, некоторые из которых являются редкими и не имеют аналогов в опубликованных материалах и архивных коллекциях.

Ключевые слова: свадебный обряд, Костромской край, рукописное наследие, говорной репертуар народной свадьбы, история науки.

Благодарности. Работа выполнена в рамках плановой темы НИР (рег. № 121051400044-2).

Для цитирования: Крашенинникова Ю.А. «Свадьба в песнях и обрядах (в Костромском уезде)» (об одной рукописи государственного архива Костромской области) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 186–193. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-186-193>

Research Article

**«WEDDING IN SONGS AND RITES (IN KOSTROMA COUNTY)»
(ABOUT ONE MANUSCRIPT FROM THE STATE ARCHIVE
OF THE KOSTROMA REGION)**

Yulia A. Krasheninnikova, PhD (Philology), Institute of Language, Literature and History Federal Research Center of Komi Scientific Center of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktvykar, Komi Republic, Russia, krasheninnikova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2045-4486>

Abstract. This article is devoted to the presentation of the manuscript stored in the State Archive of the Kostroma Region. The topicality of this work is explained, firstly, by the importance of introducing unpublished archival materials into scientific circulation and their critical analysis; secondly, by the need to assess the painstaking work of collectors of folklore and ethnographic materials in the XIX – beg. XX century – folklorists, ethnographers, correspondents of regional scientific societies, representatives of rural intelligentsia (teachers, priests), etc. The author's focus is the manuscript "Wedding in Songs and Rites (in Kostroma County)" compiled from materials of the Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Territory and the Kostroma Scientific Archival Commission; physical, graphic, and meaningful features of the manuscript are analyzed. Folklore material mainly a spoken repertoire – speeches and rhymes of wedding ranks and participants of the ritual (groomsman, brother of the bride, girls – friends of the bride, natives) is characterized, the proportion of which exceeds the number of texts of other genres (lamentations and songs). The latter circumstance distinguishes the manuscript from a large number of handwritten materials stored in different archives of Russia. The stylistic features of folklore texts are analyzed, some of these texts are rare and have no analogues in published collections and archival materials.

Keywords: wedding ceremony, Kostroma area, manuscript heritage, spoken repertoire of a folk wedding, history of science.

Acknowledgments. The work was carried out within the framework of the planned research topic (reg. No. 121051400044-2).

For citation: Krashennikova Y.A. «Wedding in Songs and Rites (in Kostroma County)» (about one manuscript of the State Archive of the Kostroma Region). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 3, pp. 186–193 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-186-193>

Настоящая статья посвящена анализу рукописи, хранящейся в фондах Государственного архива Костромской области, и актуальна в контексте задач современной фольклористики по нескольким причинам. Важной на сегодняшний день остается проблема публикации и анализа неизданных архивных материалов. Имеет значение и проблема описания и оценки кропотливого труда наших предшественников – собирателей народной культуры, записывавших фольклорные произведения, сделавших описания семейных, календарных, лечебных и др. обрядов: фольклористов и этнографов, корреспондентов региональных научных обществ, представителей сельской интеллигенции¹.

Рукопись «Свадьба в песнях и обрядах (в Костромском уезде)»² хранится в материалах фонда Костромской губернской ученой архивной комиссии. Описание обряда предваряет небольшое вступление, в котором автор рукописи³ отмечает, что работа построена на материалах, хранящихся «в архиве Костромского научного общества по изучению местного края и в Костромской ученой архивной комиссии. Материалы общества, относящиеся к свадебному обряду Костромского уезда, представляют собою записи, сделанные Б.В. Рудиным, в свое время доложенные в Императорском Русском географическом обществе, но нигде потом не использованные в печати. Материалы Костромской ученой архивной комиссии извлечены из этнографической анкеты комиссии 1899 года. Частью они были использованы В.А. Андрониковым в его докладе на Тверском археологическом съезде 1903 г. и напечатаны потом в “Трудах съезда”»⁴.

Целью работы автор рукописи называет пополнение сведений о свадебном обряде локальной традиции: «Взявши отдельный уезд губернии, а не целую губернию или всю Великороссию, я (автор рукописи. – Ю. К.) имел в виду на месте пополнить сведения, касающиеся обряда, и использовать приводимый ниже весьма ценный материал костромского фольклора»⁵.

Рукопись беловая, записана на сброшюрованных нелинованных листах формата 18×21 см черными и фиолетовыми чернилами двумя почерками (первый – л. 67–146, второй – л. 147–170). В рукописи единичные зачеркивания отдельных слов и исправления над ними, в нескольких местах вертикальные линии на полях, которыми отмечены фрагменты этнографического описания, тексты, любопытные с точки зрения автора рукописи или тех, кто с ней работал.

Зачеркивания и исправления выполнены одним и тем же почерком, что и часть рукописи, местами текст угасающий.

К некоторым текстам сделаны краткие пометы с указанием собирателя / исполнителя / места записи. В рукописи использованы материалы, записанные по преимуществу местными учителями: Бухман (имя, отчество не отмечены) из с. Татьянино Челпановской вол., А. Груздевой из д. Челпаново Челпановской вол., Е. Лундышевой из д. Борщино Коряковской вол., Орлеанской (имя, отчество не отмечены) из с. Костенево Апраксинской вол., П.О. Острогорским из с. Прискоки Семеновской вол., Преображенской (имя, отчество не отмечены) из с. Малышево Белореческой вол., Солодушенковым (имя, отчество не отмечены) из с. Вороны Завражинской вол. В числе собирателей встречается имя священника П. Попова из с. Куликово. Большая часть материалов была записана Борисом Васильевичем Рудиным, специалистом по луговодству Костромско-Ярославского управления земледелия и государственных имуществ, автором нескольких публикаций в изданиях Костромского губернского земства и костромских газетах до советского и советского периодов [Горохова: 62–63], действительным членом Костромского научного общества по изучению местного края в 1915–1919 гг.⁶ Собиратели были образованны, включены в образовательную среду, некоторые из них являлись членами научных сообществ по изучению местной традиционной культуры. Отчасти этим объясняется фиксация диалектных особенностей, народной терминологии, нюансов исполнительских стратегий, внимание к деталям, которые позволяют говорить об особенностях бытования обряда и жанров.

Очевидно, что автор рукописи составил некий инвариант свадебного обряда локальной традиции с описанием основных этапов ритуала. Этнографическая составляющая местной свадьбы характеризуется весьма общо, за исключением отдельных любопытных с точки зрения автора рукописи деталей. В некоторых моментах автор уделяет внимание различиям в микролокальных версиях обряда и останавливается на них более подробно. Так, перед сватовством происходит *предварительный визит*⁷ представителя жениха в дом невесты: родственники жениха собираются на совет (*на думу*), и один из присутствующих идет в дом будущей невесты узнать о желании родителей выдать ее замуж⁸. После получения положительного ответа выбираются сва-

ты («смелые, умеющие красно говорить, хватать и обманывать – женщины»⁹); на сватовстве договариваются в том числе о цене, «за которую родители согласны продать дочь»¹⁰. После окончательного договора невеста до венчания не может выходить из дома. За неделю до свадьбы происходит *пропой/пропивание* – вечер, когда в дом невесты приезжает жених со своими родственниками, привозит угощение («белых базарных хлебов (калабанов¹¹) штук 5-6 по 6 ф[у]н[тов] весом, фунтов 10-15 паточного варенья или дешевого красного меду, иногда разбавленного водой, ¼ или ½ ведра вина, фунтов 10 вареной говядины»¹²), при этом «невестину родню сажают в красный угол, женихову – к “кути” (в кавычках в рукописи. – Ю. К.), т. е. к печке»¹³. Подруги невесты раздают всем гостям подготовленные ранее подарки – из обрезков обоев или лоскутков белой и цветной бумаги сшитые платья, мужские сорочки, а также вырезанные часы, топоры, пилы, молотки и проч.¹⁴ После ухода гостей невеста начинает причитать. За обрядом пропивания следует *девичник* или *сговоры* – «вступительный обряд к самой свадьбе»¹⁵, причем автор рукописи указывает на различия в микролокальных версиях обряда – в некоторых населенных пунктах девичник имеет место быть «накануне свадьбы, а в других – за несколько дней»¹⁶. Тогда выносятся деревце – «елочка, березка или вообще какое-либо деревцо, украшенное лентами, обрезками ситцевых и шерстяных материй, бусами, зажженными свечами. На самой вершине елочки или березки привешивается кукла, которая изображает собою девицу, а наряд елки означает ее красоту и потому елка носит название “девка красота”»¹⁷. Вынос «девки красота» сопровождается приговором, который произносит девушка – подруга невесты. Также девушки преподносят жениху пирог «особого приготовления»¹⁸ (об этом подробнее ниже). Утром в *день свадьбы* невеста причитает (в народной терминологии – *воет*). Приезд свадебного поезда, приход дружки и полудружья в дом невесты. Дружка узнает о готовности семьи невесты к свадьбе, выкупает место для жениха. После получения приглашения в дом невесты приходит жених, происходит передача невесте *даров* (шуба, гребень, мыло, зеркало). Обед, после которого невесту одевают к венцу; процесс одевания описан автором рукописи довольно подробно. Так, под платье невесте «повязывают крест-накрест что-нибудь вязаное или плетеное, например, лоскуток от невода. Под лив ей прячут сдобные колобки, которые после венца и съедаются молодыми. В платье накалывают булавок – все это делается с целью, чтобы кто-нибудь не испортил невесту. <...> Чтобы невесту не испортили колдуны, втыкают ей в подол платья сзади и спереди безухия иголки; отрезают росток лукавицы и кладут в обувь невесты;

опоясывают ее мережкой (рыболов[ая] сеть), жених навязывает на крест невесты бумажку с молитвой “Да воскреснет Бог”»¹⁹. Свадебный поезд отправляется в церковь. После венчания молодые едут в дом жениха, сватки заплетают невесте две косы и повязывают голову платком. Затем молодых уводят в особую комнату или чулан, там их кормят, «с молодыми едят главныя свахи молодой, сестра и крестная»²⁰. Потом начинаются *столы*, на которых «особое внимание уделяется лапше, стакану вина и почкам, едение их сопровождается наговором»²¹. На второй день свадьбы родные невесты приезжают к молодоженам с *завтраком*, привозят вино, сладкий пирог, мясо. В с. Малышево Белореческой вол. после завтрака молодая метет пол, а все поежане кидают на пол деньги, за которые она обязательно благодарит. После этого «начнутся “умывальники”»: молодая стоит с водой и мылом, все гости умываются, молодой подносит стакан водки (вероятно, имеется в виду, что каждому умывшемуся подносят стакан водки. – Ю. К.). За это им [молодым] кладут на тарелки деньги»²². Завершает день ужин (*красные столы*), под конец которого подают почки. Дружка наливает вина и подносит родителям невесты. «Отец встает на скамейку, а мать (жена отца) кланяется ему в ноги и просит “убавить росту”. Тогда тот сходит со скамейки, они выпивают рюмку, закусят почками, поцелуются и садятся за стол»²³. В третий день – *отозвины* – едут в гости к родителям невесты. На четвертый день в доме молодых бывает *беседка*: «всю избу увешивают расшитыми полотенцами, сзывают молодых женщин и мужчин, и девицы и опять угощают»²⁴.

Содержание рукописи позволяет предполагать, что главной целью автора было показать разнообразие художественно-поэтического аккомпанемента ритуала. Помимо собственно этнографического описания обряда в документе содержится большой корпус фольклорных текстов: причитаний, обрядовых песен, приговоров. Если говорить об «удельном весе» фольклорных жанров, то в рукописи приведены 8 текстов причитаний, одно из которых исполнялось невестой на пропое (за неделю до свадьбы), остальные – в разные моменты дня свадьбы до венчания (до заутрени, во время одевания невесты к венцу, при расплетении косы, при выводе невесты к жениху и др.). Исполнение большей части песен (всего 8 единиц) приурочено ко дню сговора, приведено также по одному тексту, которые исполнялись накануне венчания и на свадебном застолье.

Рукопись примечательна тем, что в ней содержатся 15 текстов свадебных приговоров, некоторые из которых являются редкими и не имеют аналогов в опубликованных материалах и архивных коллекциях. Зафиксированы приговоры разных участни-

ков ритуала: брата невесты «при продавании косы», девушек – подруг невесты при выносе «девчье красоты» и пирога жениху (4 ед.), дружки в разные моменты обряда (в доме жениха перед выездом за невестой, при входе в дом невесты (4 ед.), на свадебном пиру (3 ед.)), а также приговоры местных жителей (3 ед.). Свадебные приговоры – оригинальный поэтический говорной²⁵ жанр традиционного русского свадебного обряда – являются одной из составляющих поэтического «текста» ритуала: они регулируют движение обряда, организуют, описывают, комментируют действия персонажей. Анализ опубликованных и архивных материалов, записанных в разных локальных традициях и регионах России, позволяет говорить, что в традиционной свадьбе «языком» приговоров владели многие свадебные чины (дружка, тысяцкий, сваты и др.), девушки – подруги невесты, родители молодоженов, приглашенные гости, зрители ритуала. Тексты приговоров обслуживают свадьбу практически на всем ее протяжении, в отдельных случаях выходя за рамки обряда. Костромская традиция – одна из немногих, где зафиксирован говорной репертуар разных персонажей свадьбы, выявлены уникальные разновидности (в частности, приговоры, адресованные катающимся молодоженам, приговоры девушек и др.).

Остановимся на интересных с точки зрения поэтики текстах. Так, в приговоре брата невесты, который он произносил на пропое «при продавании косы»²⁶, отметим два фрагмента. В первом хвалебная характеристика невесты строится с помощью приема противопоставления: формуле «подготовка даров» («[невеста] тонко пряла, звонко ткала...») предшествует утверждение, что невеста «не в лесу родилась, не пенькам Богу молилась». Вариант к последнему отрывку в известном нам корпусе текстов встречается в единственном приговоре из Симбирского у. Симбирской губ., адресованном поварихе: «[стряпка] В лесу родилась, / Пенькам Богу молилась...» [Юрлов: 4]²⁷. Во втором фрагменте образ свата представлен в стилистике адресованных этому персонажу причитаний и корильных песен: сват – «губинная головушка» – невоспитанный, непочтительный невежа, входит в дом невесты, как вор:

...К высокому терему подъезжал – [не] стучался,
Широким двором прошел – не сказался,
Широким мостиком шел – не спросился,
С добрым людьми не поклонился,
В высок терем входит – обзирается,
К широкому столу приближается,
Сватушкой называется.
Губинная²⁸ головушка!
Что ты мне за сватушко?²⁹

Среди приговоров, которые произносились на свадебном застолье после венчания (перед подачей лап-

ши, перед подачей первого стакана вина, «при едении почки»), особого внимания заслуживает последний текст, он произносился предположительно дружкой в конце застолья.

Экспозицией приговора служит реплика-обращение к хозяевам дома: «Сватушко-батюшко, где ты эку водочку брал? Вино-то больно холодно, не очутился бы в вине вред, желал бы я его погреть...»³⁰. Далее следует эпизод с описанием подготовки в аде «мук будных и военных»: «Был у бабушки большой мнук (внук. – Ю. К.), построил в аде несколько мук будных и военных. Кузнецы и воры котлы куют, некоторые лукавые канаты вьют, местные попы угли толкут. Дали им тут, дали железные прутья и жаркая бани...»³¹ и эпизод предстоящих на суд сатаны грешников³².

Создатели приговора обращаются к популярному в народной среде духовному стиху «Адская газета» (вар.: «Газета из ада») – памятнику религиозного содержания, близкому к эсхатологическим произведениям, рисующим и осуждающим пороки «нынешнего века» через изображение грешников, предстоящих на суд сатаны [Храмова: 241]. Перечень грешников «Адской газеты» многочислен, в разных вариантах стиха называются опойцы, прелюбоден, богатые, зажиточные люди («господа», «милостивые государи», «купцы»), ростовщики, представители духовенства (чернецы, монахи), «табашники, башмачники и вся скарденная нищета, которые жили хуже скота» и др.; изображение каждой группы грешников сопровождается обличением мирских пороков, которые они позволяли себе при жизни и за которые попали в «адскую глубину», «смрадную пучину», «тьму кромешную», «адский огонь» [Храмова: 248–250]. По замечанию М.П. Алексеева, называющего «Адские газеты» народной сатирой, эти произведения имели характер «гневно-обличения социального неравенства и пороков общественной жизни» [Алексеев: 37, сн. 61]; их демократическая направленность проявлялась в особой симпатии к нищим: по сюжету сатана не пускает их в ад, и нищие отправляются «в царство небесное» [Алексеев: 37, сн. 61].

Из довольно обширного перечня грешников духовного стиха приговор «берет» «ростовщика-откупщика», «господ», «чернецов-монахов» и, наконец, нищих; соответственно, к каждому персонажу (группе персонажей) сатана обращается с репликой, в которой определяет его (их) вину и процедуру наказания. В тексте актуализируется тема пьянства и имплицитно тема «огня, жара, нагревания до раскаленного состояния». Так, в экспозиции дружка обращается к хозяевам дома с пожеланием «погреть холодное вино», в числе адских мук называются «жаркая бани», ростовщик говорит о возможности «в аде кабак завести» (т. е. «места продажи водки, иногда также пива

и меду» [Даль 1995: 69]), сатана грозит господам «разогреть для них чаю», «растопить свинцу» и «прокалить души». Финальная часть приговора практически дублирует заключительный эпизод духовного стиха – пришедших в ад нищих сатана отсылает «в царство»: *«Идут старики – нищие твари. Сатана сидел на бале, увидал и шибко голосом вскричал: “А вы почто, нищи твари?” Нищие твари увидали предстрашныя мытарства, подхватили сумочки и побежали в царство...»*³³ В публикациях мы обнаружили единственную запись приговора на почки, сделанную также в Костромском уезде Костромской губ. [Виноградов: 127–128]. Н.Н. Виноградов предваряет фольклорный текст комментарием, который приведем полностью: «На следующий день молодых будят с подклета. Вечером – «красный стол», под конец красного стола подают почки, которые даются в качестве закуски к вину («чарочке»). На каждого свата и сваху подают стакан вина – «чарочку на парочку», а на закуску кусок почки. Муж, держа в руках стакан водки, встает на лавку, а жена ложится перед ним на пол. Муж наговаривает что-нибудь. По большей части все наговоры не отличаются особым смыслом, потому что пьяные мелют, что им в голову взбредет. Почему-то во всех наговорах такого рода упоминается *о пьяницах, рае и аде*» (курсив наш. – Ю. К.) [Виноградов: 127].

Приговоры девушек на свадебное деревце на уровне содержания, образно-стилевой системы обнаруживают близость к приговорам свадебных дружек, обрядовой лирике предвенечного цикла и свадебным причитаниям. В приговорах на свадебное деревце выделяется довольно большой корпус формул, типизированных описаний, характерных для приговоров дружек. В частности, формульное описание свадебного стола (*столы дубовые, скатерти браные, яства сахарные, питья медвяные*), которое, повторяясь в различных поэтических свадебных текстах, является своеобразным маркером готовящейся или свершившейся свадьбы, перехода через порог (*скок через порог, еле ноги переволок...*); формульное описание подготовки невестой даров (*[Невеста] Тонко пряла, / Звонко ткала, / В речке мочила, / На солнышке сушила, / В каточки катала, / В коробочку клала, / Коленочком нажимала, / Про вас, молодой князь, припа[сала]*³⁴); формула «проходки персонажа», отмеченная в записях приговоров многих локальных традиций России (*Ноги с подходом, / Руки с подносом, / Голова с поклоном, / Язык с приговором*³⁵), просьба предоставить дорожку из «тесовой переборки» в центр комнаты (ср.: дружка, напротив, просит предоставить дорожку из центра комнаты к невесте, находящейся в женской части избы, «за занавесой»); близки по вербальной манифестации темы уничтожения персонажа и боязни сделать что-то неправильно и мн. др.

С причитаниями и обрядовой лирикой эти тексты связывает стилистическая близость в разработке мотивов: «ловля женихом уточки/лебедушки», «потеря невестой красоты», «уход девьей красоты от невесты», «неизбежность и неотвратимость предстоящих событий»; близки по вербальной манифестации описания «жизнь девушки в девичестве» и описания, строящиеся на оппозиции «жизнь в девичестве – жизнь в замужестве». Результаты текстологического сопоставления позволяют думать, что обрядовая лирика, свадебные причитания оказали влияние на формирование образно-стилевой системы этой жанровой разновидности, тексты которой представляют собой любопытную комбинацию приговоров дружки и песенного обрядового фольклора, свадебных причитаний. Появление и бытование этой разновидности приговоров на довольно ограниченной территории мы связываем с объективными причинами развития местного обряда, в частности модификацией или угасанием причетной традиции и, как следствие, необходимостью «восполнить» появившуюся лакуну в той части художественного аккомпанемента, который сопровождал один из кульминационных актов ритуала – прощание невесты с девьей красотой (подробно см.: [Крашенинникова: 149–163]).

В рукопись включено весьма редкое описание обряда выноса девушками «особого пирога», предназначенного для жениха. Так, в с. Костенево Апраксинской вол. на девичнике девушки подносят жениху пирог *«особаго приготовления: между первым и вторым слоем кладутся рубленые яйца, а между вторым и третьим – деревянные и стальные спицы укладываются решеткой так, чтобы нельзя было разрезать пирог; сверху, т. е. между третьим и четвертым слоем кладется говядина и курятина. Снаружи пирог красив и гладок, и проволоки и спицы не видно. Несет одна из девиц (другая, не та, что елочку ставила) пирог, а с ним деревянный нож, ставит пирог перед женихом и говорит:*

Сватушки и свахоньки,
Все гости приезжие,
Все свахи любезныя!
Ник[олай] Ив[анович] и Ан[на] Петр[овна]
(*имена жениха и невесты!*)
У нас мучка-то ростовская,
А пирожок-от московский,
А нож-от из Казани.
Вам, Ник[олай] Ив[анович], резать приказали,
Скушайте да покушайте,
Да и Ан[ну] П[етровну] попотчуйте,
А на времени и нас, красных девушек, помяни.
Стоги-то были целы,
Овцы-то сыты³⁶.

Сообразительный жених вынимает свой нож и пытается разрезать пирог. Если разрезать не по-

лучается, то жених отдает пирог обратно девушкам, чтобы они съели его сами; девушки благодарят жениха и забирают пирог себе.

В рукописи представлены три приговора, адресованные катающимся по деревне или соседним деревням молодоженам. Известные нам записи отмечены на территории Костромского (Челпановская, Семеновская вол.), Кинешемского и Нерехтского уездов Костромской губ., датированы 1899–1912 годами. Приговор произносился кем-нибудь из местных жителей во время остановки катающихся после свадьбы молодоженов. Корреспонденты отмечают несколько версий времени произнесения этих текстов: «после свадьбы»³⁷, «когда едут на пирожки к родным невесты»³⁸, «на второй день после свадьбы, в понедельник»³⁹. В одном из текстов есть указание на Масленицу («Сегодня день масляница, молодые люди катаются, новобрачные князя прославляются»⁴⁰), возможно, имеются в виду масленичные катания молодоженов, женатых меньше года. Текст произносился местным жителем, «знающим наговор»⁴¹. По свидетельству В.А. Андроникова, молодоженов, которые после свадьбы катаются по соседним деревням, на дороге «останавливают парни, иногда девицы и произносят наговоры; цель подобных наговоров – получить как можно больше поцелуев от молодой» [Андроников: 58].

Тексты строятся как от лица девушки, так и «доброго молодца», соответственно, по-разному реализуется тема «получения поцелуев», которая является центральной: в мужских текстах невеста целует того, кто останавливает свадебный кортеж и произносит приговор, в женских – молодожены многократно целуются друг с другом⁴². В этих приговорах много эпизодов, содержательно близких приговорам дружек: описание пути-дороги, передвижение коня молодоженов, перечень предметов и приспособлений для снаряжения лошадей (конская сбруя), перечень деталей одежды свадебных персонажей.

Рукопись ценна в плане содержащегося в ней диалектного материала. Собиратели фиксировали названия ритуальных актов (*крутить невесту* – после венчания сватья жениха и невесты заплетают невесте две косы и повязывают платок, причем сватья жениха заплетает правую косу, сватья невесты – левую; затем все свадебники едут в дом жениха⁴³, *пропой* – вечер в доме невесты за неделю до свадьбы⁴⁴, *отозвины* – третий день свадьбы, в этот день едут праздновать в дом родителей невесты⁴⁵), отдельных предметов (*постельник* – связанный из соломы ковер, который девушки, подруги невесты, накануне венчания привозят из дома невесты в дом жениха⁴⁶, *столовые* [вещи] – вещи, приобретенные на деньги, которые невесте дает жених; «в случае смерти жены в первые годы замужества муж оставляет

их [вещи. – Ю. К.] у себя, а все остальное имущество жены возвращается ей родителям, если после нея детей не осталось»⁴⁷), свадебных персонажей (*сговоренка* – так называют невесту после сватовства⁴⁸, *новые сваты* – так зовут друг друга родные жениха и невесты после сватовства⁴⁹) и др.

Итак, рукопись «Свадьба в песнях и обрядах (в Костромском уезде)» является ценным источником по свадебному обряду Костромского уезда последней трети XIX – начала XX века. Многие содержащиеся в рукописи фольклорные тексты не имеют аналогов в опубликованных материалах и архивных коллекциях.

Примечания

¹ Из последних фундаментальных работ, посвященных этой теме, отметим Библиографический словарь «Русские фольклористы» в пяти томах, подготовленный коллективом авторов [Русские фольклористы].

² Государственный архив Костромской области (далее ГАКО). Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 67–170.

³ О. Горохова считает, что автором рукописи является Б.В. Рудин [Горохова: 63]. У нас есть некоторые сомнения по вопросу авторства рукописи: автор во вступлении пишет, что использовал материалы, собранные Б.В. Рудиным и доложенные им в Императорском РГО, и записи корреспондентов Костромской ученой архивной комиссии. Если автор – Б.В. Рудин, то почему он пишет о себе в третьем лице?

⁴ ГАКО. Там же. Л. 67–68. Вероятно, речь идет о работе В.А. Андроникова «Свадебные причитания Костромского края со стороны содержания и формы», изданной в 1905 г. в Твери [Андроников].

⁵ ГАКО. Там же. Л. 68.

⁶ Период членства восстановлен специалистами Костромской областной универсальной научной библиотеки на основании «Отчетов о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края» за 1914–1918 гг. За информацию о Б.В. Рудине благодарю зав. отделом библиографии, обработки и каталогизации литературы Костромской областной универсальной научной библиотеки Л.Н. Семенову.

⁷ Терминология наша. – Ю. К.

⁸ ГАКО. Там же. Л. 68–69.

⁹ ГАКО. Там же. Л. 69.

¹⁰ ГАКО. Там же.

¹¹ Читается так. В «Словаре русских народных говоров» зафиксированы *калабак* – каравай хлеба. Влад., Розов. – ср. Колобок <...> *калаб.Ан* – прозвище. Черепов. Новг. [Словарь русских народных говоров 12: 332].

¹² ГАКО. Там же. Л. 71.

¹³ ГАКО. Там же. Л. 72.

¹⁴ ГАКО. Там же.

- ¹⁵ ГАКО. Там же. Л. 79.
- ¹⁶ ГАКО. Там же.
- ¹⁷ ГАКО. Там же.
- ¹⁸ ГАКО. Там же. Л. 99.
- ¹⁹ ГАКО. Там же. Л. 111–112.
- ²⁰ ГАКО. Там же. Л. 143.
- ²¹ ГАКО. Там же. Л. 144–145.
- ²² ГАКО. Там же. Л. 158.
- ²³ ГАКО. Там же. Л. 158–159.
- ²⁴ ГАКО. Там же. Л. 155.
- ²⁵ Термин, предложенный Г.А. Левинтоном [Левинтон: 65–66]. Г.А. Левинтон приводит также мнение Б.Н. Путилова о делении жанров по способу произношения: тексты, которые поются, сказываются и говорятся [Там же: 65, сн. 24].
- ²⁶ Опубл.: [Русские свадебные приговоры: 554–557].
- ²⁷ Зафиксирован также в малых жанрах, в частности: [Песни, сказки, пословицы...: 181].
- ²⁸ *Губинная* – знач.?, возможно, *та* [головушка], *которая губит* (о свате).
- ²⁹ ГАКО. Там же. Л. 75–76.
- ³⁰ ГАКО. Там же. Л. 149.
- ³¹ ГАКО. Там же. Л. 149–150.
- ³² Текст опубл.: [Русские свадебные приговоры: 180–182].
- ³³ ГАКО. Там же. Л. 151.
- ³⁴ Архив фольклорно-краеведческой лаборатории Костромского государственного университета, Красносельский р-н Костромской обл., посл. треть XX в.
- ³⁵ Формула используется для характеристики свадебных персонажей (дружки, жениха, поварахи, молодой пары); широкое распространение и устойчивая форма позволили В.И. Далю выделить ее как пословицу с функцией – произносится при «потчевании на свадьбе» [Даль 1989: 249].
- ³⁶ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 99–100; опубл.: [Русские свадебные приговоры: 539].
- ³⁷ ГАКО. Там же. Л. 159.
- ³⁸ ГАКО. Там же. Л. 155.
- ³⁹ Архив Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (ранее: Государственный литературный музей). Ф. 23. Д. 29. Л. 22.
- ⁴⁰ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 167.
- ⁴¹ ГАКО. Там же. Л. 155.
- ⁴² Тексты см.: ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 155–157, 159–164, 164–170; опубл.: [Русские свадебные приговоры: 609–618].
- ⁴³ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 141.
- ⁴⁴ ГАКО. Там же. Л. 71.
- ⁴⁵ ГАКО. Там же. Л. 155. Ср.: *Отозвины* – второй день свадьбы, когда молодые и гости после завтрака отправляются в деревню к невесте (Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 1. Д. 589. Л. 8. Галичский у. Костромской губ., 1898 г.).

⁴⁶ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 103.

⁴⁷ ГАКО. Там же. Л. 70.

⁴⁸ ГАКО. Там же. Л. 71.

⁴⁹ ГАКО. Там же. Л. 71.

Список литературы

Алексеев М.П. Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Ленинград, 1979. Т. 9. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/im9/im9-017-.htm> (дата обращения: 24.05.2022).

Андроников В.А. Свадебные причитания Костромского края со стороны содержания и формы: (Из трудов Тверского областного археологического съезда). Тверь, 1905.

Виноградов Н.Н. Народная свадьба в Костромском уезде // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. 1917. Вып. 8. С. 71–152.

Горохова О. Костромские землячества в Москве // Губернский дом. Кострома, 2017. № 3 (108). С. 61–63.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. Москва, 1995.

Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. Т. 2. Москва, 1989.

Крашенинникова Ю.А. О случаях и механизмах жанрового взаимодействия в текстах свадебного обряда (на материале приговоров девушек «на свадебное деревце») // Традиционная культура: научный альманах. 2015. № 3. С. 149–162.

Левинтон Г.А. Замечания о жанровом пространстве русского фольклора // Судьбы традиционной культуры: сб. статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой. Санкт-Петербург, 1998. С. 56–72.

Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии / подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н.В. Новикова. Вологда, 1960.

Русские свадебные приговоры в архивных коллекциях XIX – первой трети XX в. / сост., вступ. ст., подг. текстов, коммент. Ю.А. Крашенинниковой. Москва: Индрик, 2021. 712 с.

Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т. / под ред. Т.Г. Ивановой. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2016–2020.

Словарь русских народных говоров. Вып. 12. / гл. ред. Ф.П. Филин. Ленинград: Наука, 1977.

Храмова Н.Б. «Адская газета»: старые и новые записи // Традиционная культура в изменяющемся мире: материалы VIII Междунар. школы молодого фольклориста «Традиционная культура в изменяющемся мире» и семинара «Пермистика: языки, стиль фольклора». Ижевск, 2009. С. 241–251.

Юрлов В.П. Этнографические материалы // Симбирские губернские ведомости. 1867. № 37 (6 апреля). С. 3–4.

References

- Alekseev M.P. *Nezamechennyj fol'klornyj motiv v chernovom nabroske Pushkina* [Unnoticed folklore motif in Pushkin's rough sketch]. *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Pushkin: Researches and materials]. Leningrad, 1979, vol. 9. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/im9/im9-017-.htm> (access date: 24.05.2022) (In Russ.)
- Andronikov V.A. *Svadebny'e prichitaniya Kostromskogo kraja so storony soderzhaniya i formy* (Iz trudov Tverskogo oblastnogo arxeologicheskogo s'ezda) [Wedding lamentations of the Kostroma Region from the side of content and form (From the works of the Tver Regional Archaeological Congress)]. Tver', 1905 (In Russ.)
- Dal' V.I. *Poslovice russkogo naroda*: v 2 t. T. 2 [Proverbs of the Russian people: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, 1989 (In Russ.)
- Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. T. 2 [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols. Vol. 2]. Moscow, TERRA Publ., 1995. (In Russ.)
- Goroxova O. *Kostromskie zemlyachestva v Moskve* [Kostroma communities in Moscow]. *Gubernskij dom* [Gubernsky house]. Kostroma, 2017, № 3 (108), pp. 61–63 (In Russ.)
- Krasheninnikova Yu.A. *O sluchayax i mexanizmax zhanrovogo vzaimodejstviya v tekstax svadebnogo obryada (na materiale prigovorov devushek «na svadebnoe derevce»)* [About cases and mechanisms of genre interaction in the texts of the wedding ceremony (based on the girl's speeches «on the wedding tree»)]. *Tradicionnaya kul'tura: Nauchnyj al'manax* [Traditional culture: Scientific Almanac], № 3, 2015, pp. 149–162 (In Russ.)
- Levinton G.A. *Zamechaniya o zhanrovom prostranstve russkogo fol'klora* [Remarks about genre space of the Russian folklore]. *Sud'by tradicijnoj kul'tury: Sbornik statej i materialov pamyati Larisy Ivlevoj* [The destinies of traditional culture: A collection of articles and materials in memory of Larisa Ivleva]. St. Petersburg, 1998, pp. 56–72 (In Russ.)
- Pesni, skazki, poslovice, pogovorki i zagadki, sobrannye N.A. Ivaniczkim v Vologodskoj gubernii* [Songs, fairy tales, proverbs, sayings and riddles collected by N.A. Ivanitsky in the Vologda province], preparation of texts, introductory articles and notes by N.V. Novikov. Vologda, 1960 (In Russ.)
- Russkie fol'kloristy': Biobibliograficheskij slovar'. XVIII – XIXvv.*: v 5 t. [Russian Folklorists: A Biobibliographical Dictionary. XVIII – XIX centuries: in 5 vols.], ed. by T.G. Ivanova, 2016–2020. (In Russ.)
- Russkie svadebny'e prigovory v arxivnyx kollekcijax XIX – pervoj treti XX v.* [Russian wedding speeches in archival collections of the XIX – first third of the XX century]. Compilation, introductory article, preparation of texts, comments by Yu.A. Krasheninnikova. Moscow, Indrik Publ., 2021, 712 p. (In Russ.)
- Slovar' russkix narodnyx govorov. T. 12* [Dictionary of Russian folk dialects, vol. 12], chief editor F.P. Filin. Leningrad, Nauka Publ., 1977. (In Russ.)
- Vinogradov N.N. *Narodnaya svad'ba v Kostromskom uезде* [Folk wedding in the Kostroma district]. *Trudy Kostromskogo nauchnogo obshhestva po izucheniyu mestnogo kraja* [Works of the Kostroma Scientific Society for the Study of the local region], 1917, vol. 8, pp. 71–152. (In Russ.)
- Xramova N.B. «*Adskaya gazeta*»: starye i novye zapisi [“Infernal newspaper”: old and new records]. *Tradicionnaya kul'tura v izmenyayushhemsya mire: Materialy VIII Mezhdunarodnoj shkoly molodogo fol'klorista «Tradicionnaya kul'tura v izmenyayushhemsya mire» i seminar «Permistika: yazyki, stil' fol'klora»* [Traditional culture in a changing world: Materials of the VIII International School of Young folklorist «Traditional culture in a changing world» and the seminar «Permistics: languages, folklore style»]. Izhevsk, 2009, pp. 241–251 (In Russ.)
- Yurlov V.P. *Etnograficheskie materialy* [Ethnographic materials]. *Simbirskie gubernskie vedomosti* [Simbirsk provincial vedomosti], 1867, № 37 (6 of April), pp. 3–4 (In Russ.)
- Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 31.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.*
- The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 31.08.2022; accepted for publication 05.09.2022.*